

18+

Фридрих Антонов

Делюн-Уранский хребет

Воспоминания,
путешествия,
происшествия

Фридрих Антонов

**Делюн-Уранский
хребет. Воспоминания,
путешествия, происшествия**

«Издательские решения»

Антонов Ф.

Делюн-Уранский хребет. Воспоминания, путешествия,
происшествия / Ф. Антонов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-530258-8

В книге приведены воспоминания автора, начиная с раннего детства и практически по настоящее время. Описываются наиболее яркие события, связанные с туристическими походами и путешествиями. Приводятся также интересные факты, сопутствовавшие жизни автора, многие из которых вообще редко описывались в нашей литературе. И в этом смысле, книга представляет большой интерес для широкого круга читателей. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-530258-8

© Антонов Ф.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. Наиболее ранние воспоминания	7
1.1. Предыстория	7
1.2. Самолёт, шаланда и сплав по Витиму	9
1.3. Охотничье ружьё отца	11
1.4. Осиное гнездо и старая дорога Ленской Горно-Рудной компании	13
1.5. Происхождение названий города Бодайбо и горной речки – Большой Якорь	14
1.6. Арочный мост	15
1.7. Воскресные поездки в Бодайбо	16
1.8. Мамаканская ТЭС	17
1.9. Начало Великой Отечественной войны	19
Глава 2. Воспоминания 7 – 8 летнего возраста	22
2.1. Наледи	22
2.2. Лыжи, коньки и «бочи»	24
2.3. Рыбные озёра и пещера	25
2.4. Мамгора	27
2.5. Мамаканские татары	29
2.6. Жимолость	31
Глава 3. Воспоминания 8—12 летнего возраста	32
3.1. Неожиданная болезнь отца и раннее взросление	32
3.2. Коней в ночное	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Делюн-Уранский хребет Воспоминания, путешествия, происшествия

Фридрих Антонов

© Фридрих Антонов, 2020

ISBN 978-5-0053-0258-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Эта книга имеет условное название «Делюн-Уранский хребет» потому, что с детских лет он был для меня той граничной чертой, за которую мне постоянно хотелось заглянуть. Я с детства знал, что если дойти до истоков реки Мамакан, то попадёшь на линию водораздела, от которой все водные потоки устремлены в противоположную сторону. И если идти по направлению течения воды, то выйдешь к Байкалу. В детстве я много читал – сначала сказок, а потом и научной фантастики, посвящённых Байкалу. Мне всегда хотелось пройти этот путь от начала и до конца. И как-то так случилось, что Делюн-Уранский хребет стал своеобразным барьером на пути к достижению мечты, сначала в прямом, географическом, а потом и в обобщённо-символическом смысле.

Может показаться, что эта книга посвящена простым воспоминаниям. Но это не совсем так. А вернее, совсем не так. Цель здесь гораздо глубже. Ведь воспоминания – это всегда рассказ о прошлом, которое уже давно ушло безвозвратно прочь. И о нём судят, либо по книгам, либо по кинематографическим зарисовкам. И что не говори по этому поводу, но там прошлое всегда предстаёт преломлённым через множество авторских я. Вот и эта книга – это ещё одна, небольшая лепта, вносимая в общую картину прошлого, но уже преломлённого через твой жизненный опыт и через твоё я.

Воспоминания в данной книге – это скорее всего основа, для ненавязчивого рассказа о ряде путешествий, выпавших на долю автора и всего того, что сопутствовало этому, включая и ту действительность, что окружала нас. А в 16-ой главе, связанной казалось бы с воспоминаниями о путешествии с Байкала на Мамакан, изложен материал, рассказывающий о встрече с существом, похожим на снежного человека. И там же, по сути, дано логическое обоснование физического существования этого существа.

Эта книга должна быть интересна для всех. И тех, кто интересуется путешествиями. И тех, кто интересуется нашим прошлым. И тех, кто просто любит увлекательные рассказы, в чём-то сходные с описанием приключений, но не выдуманных, а реально происходивших с автором этой книги.

А последняя, 16-я глава, вообще, должна заинтересовать всех! И простых читателей, и учёных, интересующихся вопросами существования «ети». И атеистов, и людей верующих. При чём, как простых людей, так и служителей церкви, (включая высших иерархов!). При чём – всех церквей, и всех конфессий! Потому что здесь затронуты фундаментальные вопросы жизни и смерти, вечности духа, и существования Бога во вселенной. Причём, здесь это всё подаётся именно на основе утверждения существования Бога, а не его отрицания! Только даётся это всё не совсем обычным способом и с очень необычного ракурса!

Глава 1. Наиболее ранние воспоминания

1.1. Предыстория

Зачем нужны воспоминания? Каждый человек отвечает на этот вопрос по-своему. Для одних – это подведение итогов своей жизни. Для других, скрытое желание поговорить о несбыточных мечтах, или попытка как-то оправдаться перед собой, или в глазах истории. А из кого-то – всё это, просто прёт наружу, мешая свободно жить и думать. Пока не ляжет исповедью на чистый лист бумаги. Так вот и у меня. Пора настала, что ли? Может быть. Ну, что ж – поехали!

Начну, пожалуй с того, что появился я на свет – как-то против правил своего времени. Дети на этой земле получают от союза мужчины и женщины, но союз моего отца, с моей матерью, по нормальным правилам того времени, вроде бы, состояться не должен был вообще. С одной стороны мальчик, сын железнодорожного обходчика, в 13 лет отданный в учение, учеником слесаря, в депо Балашов, Рязано-Уральской железной дороги. К 24 годам ставший профессиональным революционером, а к 40-а прошедший полный комплект подполья, тюрем, ссылки и горнила Первой мировой, и Гражданской войн – от рядового артиллериста до командира бронепоезда, а потом и до командующего бронесоединением. А с другой стороны – почётно-потомственная дворянка, обладательница прекраснейшего колоратурного сопрано, которую несколько раз пытались забрать и увести в Варшавский оперный театр.

Один – в песках Средне-Азиатских пустынь, в рядах Туркестанской группировки войск Красной Армии, под командованием Михаила Васильевича Фрунзе, участвует в разгроме Бухарского эмирата. А другая – в семье далёкой от революционных событий, на Украине, поёт в церковном хоре. Вероятность встречи их практически нулевая. Но вот – встретились, союз состоялся и надо сказать очень удачный!

А дальше, вообще, как в современном телевизионном сериале. Мама, до 5 месяцев даже не подозревала о своей беременности. У неё совершенно спокойно и нормально шли месячные и никто не подозревал о моём зарождении. Со временем, она просто почувствовала, что стала как-то странно поправляться и обратилась к врачу. А тот ей сообщает: «Поздравляю! Вы беременны!» Как это произошло? Какие физиологические процессы происходили, при этом, в организме моей матери – остаётся загадкой? Но в результате, я всё-таки появился на свет. И все говорили: «Какой хитрый мальчик! Как долго прятался!» Но факт – есть факт.

Из семейной хроники известно, что ходить я начал до года. Выговорился (с учётом буквы «р»), тоже довольно рано. И голенький бегал по двору с совком в руках, для выемки золы из подувала. А ещё чуть не свалил на себя буфет, нагруженный вареньем. Потом, обписал элегантно одетого соседа, решившего поиграть с милым мальчиком. А к другому соседу отказывался идти на руки, сердито повторяя: «Дядя страшный!». Он был смуглый, черноволосый и имел большую курчавую бороду. Поэтому наверное я и решил, что он есть – «дядя страшный».

Мне исполнился год, с небольшим, когда мама, забрав меня со старшей сестричкой, вынуждена была поехать в Сибирь, за отцом, получившим назначение на север Иркутской области (В Бодайбинский район, посёлок Мамакан).

Гражданская война для отца закончилась в 1923 году, в Средней Азии. После демобилизации из армии, там же, в Средней Азии, он был назначен в депо Коканд, Средне-Азиатской железной дороги, начальником участка тяги. В 1928 году назначен ревизором службы тяги. В 1929 году был мобилизован в состав ЦК ВКП (Б) Туркестана. Затем вновь возвращён на транспорт и в 1931 году назначен в депо Мерв. А в 1934 году был переведен в техническую

инспекцию – директором, по паровозному и вагонному хозяйству (Средне-Азиатской железной дороги).

Демобилизация из армии практически никак не сказалась на распорядок и образ жизни отца. Просто к военным добавились ещё и гражданские заботы. До 1934 года, он был вынужден спать с наганом под подушкой. Как военнообязанный, он возглавлял отряд самообороны. И в любое время дня и ночи, по тревоге, его отряд должен был отражать нападения бандитов. Басмачи ещё долго не давали спокойно жить и работать. Но несмотря на всё это, он умудрился заочно поступить и закончить институт Инженеров Железнодорожного Транспорта и получить диплом инженера. А потом, получив свой первый и заслуженный отпуск, поехать отдыхать в Крым.

Возвращался он из Крыма – через Днепропетровск (бывший Екатеринослав) и решил сделать остановку, чтобы навестить места первых лет революционной подпольной работы. А получилось так, что встретил неожиданно – маму. И она уехала вместе с ним, очертя голову, в Среднюю Азию. Так состоялась встреча. Но жить в Средней Азии не получилось – первые два мальчика родились и умерли. Климат оказался губительным и врачи посоветовали сменить климат. И они переехали в Днепропетровск. Там родились: моя сестра Эля и я. Это отступление, собственно и сделано для того, чтобы рассказать о встрече моих родителей и объяснить причину их отъезда из Средней Азии.

А причина переезда в Сибирь была банальной. Особых подробностей я не знаю, но уже достигнув возраста, когда дети начинают что-нибудь понимать и запоминать в разговорах своих родителей, я иногда слышал, как мать полушутя-полусерьёзно иногда бросала отцу: «За что боролся – на то и напоролся». В общем, в 1937 году, отец уехал в Сибирь (как я уже писал на Мамакан), а мама через год, взяв нас с сестричкой, отправилась вслед за ним, к тому времени уже получившему там небольшой домик, для жилья, на краю посёлка, за территорией электростанции, которую он достраивал и на которой потом работал.

Судя по времени происхождения событий и предпринятым мерам в жизни семьи, можно сделать вывод, что подошло то время, когда бывшие соратники, один за другим стали исчезать в подвалах НКВД. Круг начинал сужаться и кого это касалось, наверное, начинали задумываться: «Что скоро очередь дойдёт и до них!». А на руках двое малых детей! Это навёрное и подвигло моих родителей покинуть насиженные места и уехать, куда глаза глядят, и как можно дальше. На этом, лирическое отступление о том, как встретились, соединились, а потом и переехали в Сибирь мои родители, можно считать законченным. Именно к этому времени и относятся мои первые, и отрывочные воспоминания.

1.2. Самолёт, шаланда и сплав по Витиму

Вот первое из них. Из Иркутска в Бодайбо мы летели на самолёте. Самолёта я конечно не помню, но судя по времени и рассказам матери – это был двукрылый биплан. И я сомневаюсь, что это был Ан-2, потому что начало его эксплуатации – 1947 год, а мы летели в 1938 году. В общем, это был какой-то более древний аппарат, конструкции которого я не знаю. С нами летела группа геологов. В самолёт, по рассказам мамы, помещалось 7 или 8 человек. Но вот, что я помню хорошо, так это то, что орал я там, как резанный! Очевидно, когда самолёт взлетел и его стало швырять, как былинку, из стороны в сторону, мне стало страшно и я начал орать. Я отчётливо помню две бородатые физиономии, которые появились вдруг ниоткуда передо мной и дружно стали корчить смешные рожицы, стараясь отвлечь, и рассмешить меня. От мамы же я позднее и узнал, что это были геологи.

Как бы то ни было, а в Бодайбо мы всё-таки прилетели. Аэродром в Бодайбо находится на том же самом месте, что и сейчас, за городом и как водится, у чёрта на куличках. Такси и прочих средств передвижения, в Бодайбо тогда тоже, наверное, ещё не было. Поэтому, как мы добрались из аэропорта до речного порта в центре города, я не знаю и не помню. И если вы думаете, что название «речной порт», вносит какую-то ясность в суть этого дела, то вы и здесь сильно ошибаетесь, потому что речного порта, как такового, там нет и сегодня.

Есть грузовой причал, то есть участок берега, куда подходили и сейчас подходят баржи. А поодаль, на возвышении, стояли и теперь стоят складские помещения. Да ещё грузовая укосина на растяжках для погрузочно-разгрузочных работ. И всё. Баржи подгонялись под укосину и ставились на прикол. Груз вынимался из баржи и ставился на возвышении, а дальше – бригада грузчиков переправляла всё это в складские помещения. Со временем, укосину заменили на портовый кран и всё.

Ни речных трамваев, ни комфортабельных теплоходов, тогда – тоже не было. Да, что там теплоходы – моторной лодки и той не было. Вернее она была, но использовалась только в самых необходимых, как говорят обычно – «крайних» случаях. Например, перехватить и причалить к берегу то, что плыло вниз по течению реки самосплавом (баржа, плот или что-нибудь ещё). Нас ожидала обычная шаланда (кто-то называл её ещё и – кунгасом). За точность я не ручаюсь. На этой шаланде мы должны были самосплавом доплыть до посёлка Мамакан (12 километров вниз по течению Витима), а там нас должна была встретить моторка и подтащить к месту причала. Причал представлял собой – бревенчатый плот, с нашитыми сверху досками. С плота на берег шёл дощатый трап с набитыми поперёк брусочками. А оттуда уже шла дорога «на подъём» – в посёлок, (именуемая «взвозом»). Конструкция причала там не изменилась и потом, через 18 лет, когда я уже взрослым юношей уезжал поступать в институт.

В месте, которое условно именовалось «Речпортом», недалеко от грузового причала, выше по течению реки, стояла наша шаланда. Её отхода ожидала достаточно большая толпа мамаканцев, которые хотели попасть домой. Шаланда, как плавсредство, представляла собой небольшую, баржу, метра три в ширину и длиной метров пятнадцать. Невысокая (не более 0,6 метра над уровнем воды), с бортами устроенными в виде сплошных продольных скамей. Почему я так хорошо описал устройство этой шаланды? Да потому, что будучи уже взрослым мальчишкой, я неоднократно плавал на ней в Бодайбо и обратно в Мамакан. А тогда, вся ожидавшая толпа благополучно расположилась вдоль бортов и на поперечных скамьях, и мы отчалили. И нас понесло.

Вот собственно с этого момента и началось именно то, что врезалось мне в память. Всё остальное, как вы понимаете, у меня запечатлелось из рассказов матери и дальнейших плаваний на этой шаланде, уже в школьном возрасте. А тогда, течением, нас понесло прямо под громадный форштивень баржи – поперёк, «наизлом». Я отчётливо увидел, как на меня надви-

гается, закрывая всё небо, словно коршун крыльями, огромный носовой скос баржи и я заорал, во всё горло. Поднялась паника. Бабы запричитали: «Помогите! Что делать? Мы все потонем!»

И тут же я услышал спокойные и чуть насмешливые голоса мужиков: «Милые бабоньки! Посторонитесь! Мы упираться будем!» И несколько здоровых мужиков, руками, мягко скомпенсировали удар, и также мягко перебирая руками вдоль борта, вывели шаланду из опасного положения. А там, быстрое течение Витима, раскрутило её винтом и вынесло на середину реки. Дальнейшего путешествия я не помню.

Ещё одна вспышка памяти. Это, по всей видимости, мамаканский клуб, перед началом какого-то концерта самодеятельности или кинокартины. При чём, ни того, ни другого я не помню, но отлично помню гудящий как муравейник, битком набитый зрительный зал. Я в чёрной шубке, мехом наружу, на руках у мамы. Значит дело было зимой, потому что все остальные тоже были одеты. Вокруг нас куча какой-то детворы, (которые крутились очевидно вокруг меня) и по всей видимости, пытались заигрывать со мной. А я старательно обсасываю чёрный мех на воротнике моей шубки и «букой» смотрю на всю эту возню, вокруг меня.

И ещё одно воспоминание связанное с клубом. Опять полный зал. И наверное, той же зимой, потому что опять все были одеты, но теперь я лицом к маме и усердно крещу её лицо. Причём точки фиксирую на лбу, подбородке и щеках. Мама мягко пытается меня уговорить, а вокруг хохочущие физиономии взрослых. Что послужило такому моему поведению – не знаю. Толи люди вели какой-то разговор на эту тему, то ли в кино было что-то похожее. А кино в то время шло ещё частями и это был перерыв. Помню, правда, ещё – я почему-то твердил, при этом: «Поп, толоконный лоб!» Возможно, это было связано со сказкой Пушкина «О попе и его работнике Балде». Но связано это было с демонстрацией фильма или кто-то рассказал сказку в перерыве между частями – не знаю. Вот и всё. На этом заканчиваются обрывочные воспоминания раннего детства.

Далее уже пойдут воспоминания, которые представляют из себя не отдельные вспышки памяти, которые потом додумывались или дополнялись расспросами у взрослых. А это уже были целые картины, со своими сюжетными линиями и причинно-следственными связями. Одно из них связано с охотничьим ружьём отца.

1.3. Охотничье ружьё отца

Мне, судя по всему, 3 – 4 года. Дом наш стоял на берегу реки Мамакан. Берег двумя ступами спускался к реке. На довольно широкой, средней песчаной площадке большая гурьба ребятни, с визгом и шумом носилась туда и сюда, играя, то в «прятки», то в «догоняшки». Вдруг, ни с того, ни с сего, мне в голову приходит мысль, что у нас в кладовке есть ружьё. Бегу домой, ставлю табурет (иначе я не мог дотянуться до щеколды), открываю дверь в кладовку и достаю ружьё. Бегу на берег. Сам ещё взвести курка не могу – силёнок не хватало. Подозвал одну из «старших» девчонок и попросил её взвести курок. Та тоже не могла его взвести нормальным способом, поэтому она упёрла ружьё прикладом в землю и торцевой частью своей ладошки, сверху вниз налегая всем телом, оттянула его до щелчка.

Теперь я – центр внимания! Все кружатся вокруг меня, визжат, бросаются на край площадки, выстраиваются в шеренгу и наперебой кричат: «Стреляй в меня!», «Нет в меня!», «В меня первого!». А я довольный, попеременно навожу ружьё, то на одного, то на другого. Всё выбираю – в кого первого! Помню, что по собственному слабосилию, я не мог приложить ружьё к плечу, как следует, и поэтому держал его под мышкой, и поворачивался к выбираемой «мишени» всем корпусом.

Так наводил я его, то на одного, то на другого. Расстояние было такое, что промахнуться было просто невозможно. И вдруг, как-будто, что-то щёлкнуло в моей башке: «А вдруг оно заряжено?» И я отвёл ружьё в сторону, и нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел! Отчётливо помню, что ружьё от отдачи вывалилось у меня из рук и упало на землю. Я перепугался так, что у меня, очевидно, произошёл провал в памяти.

Я не помню ни чего, из того, что произошло дальше. Кто забрал ружьё и унёс в дом? Ругали меня или нет? Не помню! Но на кладовке с тех пор висел замок, а где был ключ я не знал. Но начиная именно с этого момента, прежде чем что-то сделать, я стал иногда задумываться над тем, к чему это может привести. Правда дури хватало и в дальнейшем, но думать я всё-таки начал, именно с этого момента.

А дело было так – отец прибежал с охоты. Он опаздывал на работу и впопыхах забыл разрядить ружьё. Он поставил его в кладовку, закрыв её на щеколду, решив разобраться со всем этим потом, когда вернётся с работы. Видимо он думал, что сынок ещё маленький и не дотянется. Ага! Не дотянется! Вообще-то, сразу за нашим домом и окружавшими его небольшими огородами, начиналась тайга и ружья разряжались после выхода из тайги, то есть перед самым домом. К тому же ещё, отец опаздывал на работу и была – спешка! Всё это поясняет, почему ружьё могло оказаться заряженным.

И ещё вот что! Это на случай возможных возмущений современных грамотеев и прочих законников! О том, что охотничьи ружья, нужно содержать – в сейфах! А те сейфы обязаны быть закрытыми. И всё, такое, прочее. Так вот, специально для них, – отвечаю! В те далёкие времена, в таёжных краях люди ещё ничего не знали и даже не слышали – ни про хранение охотничьих ружей в сейфах, ни про их регистрацию в милиции, ни про что другое. (Это, что касается современных правил содержания ружей!) А теперь, про их регистрацию в милиции. Так вот – милиции там вообще никогда не было. Её там нет и сейчас, хотя сейчас это уже довольно большой посёлок.

Тебе нужно было ружьё? Ты просто шёл в магазин и покупал его. Кстати, когда мне исполнилось 12 лет, мне попросту купили у знакомого охотника подержанную одностволку 16-го калибра, и я ходил с ней в тайгу, когда хотел, и куда хотел. Это к вопросу правильного содержания ружей в таёжных посёлках Восточной Сибири, (в те времена!). А когда я приходил с охоты, то я его просто вешал на гвоздик, над своей кроватью, на которой спал, вот и всё. Можно привести ещё несколько эпизодов из той жизни и моего ружья висевшего над кроватью.

Однажды осенью, 12-летним мальчишкой, я пришёл с ночной охоты и повесив ружьё над кроватью, не раздеваясь завалился спать. Проснулся я от звонкого удара камня об обшивку нашего дома. Обшивка была из сухих сосновых досок и звенели они, как огромный и звонкий барабан. Второй камень глухо ударился о землю и я услышал испуганный голос матери. Между двумя этими ударами я лежал в своей кровати и пытался сообразить: «Что это такое?» Но после крика мамы, я сорвал со стены ружьё и как пуля вылетел на крыльцо.

Здесь следует сделать отступление и рассказать, что у нас в центре посёлка, вместо кремля стояла тюрьма, с четырьмя вышками по углам. А наш дом стоял один на краю посёлка, за огороженной территорией электростанции. У нас, с одной стороны, стеной поднималась тайга, а с другой – ограда территории станции. И на этой территории вплотную к забору строилась вторая очередь Мамаканской ТЭС. И работали там одни зэки. А была осень и во дворе был рассыпан картофель на просушку. Мама сидела на стульчике с краю, и собирала просушенный картофель в ведёрко, и переносила его в погреб (на зиму).

Далее картина, по-моему, предельно ясна. Зэки по-прилипали к забору и в щели рассматривали женщину, сидящую к ним спиной, и камнями пытались попасть в интересующий их предмет. Я потом нашёл эти каменюки. Если хотя бы один из них попал в голову! Думаю, что там, не было бы никаких шансов. И я, выскочив на крыльцо, заорал во всё горло: «Твари! Перестреляю, как собак!» Наступила тишина. И даже конвоир с винтовкой (из самоохранны), до этого сидевший боком и искоса, с ухмылкой, наблюдавший за происходящим, предпочёл отвернуться и сделать вид, что он ничего не видит и не слышит, и там ничего не происходит. Но бросание камней прекратилось.

И ещё один эпизод хранения ружей в тех местах. Я уже говорил что наш дом стоял на берегу реки, а берег круто двумя уступами опускался к воде. Так вот, в большую воду (а она бывала как раз под верх этой средней площадки), я иногда стрелял уток прямо из окна своей комнаты. Просто снимал ружьё со стены над кроватью и в окно стрелял. При чём, не спрашивая на это, ни у кого, никаких разрешений.

Это я так, в качестве примеров, об общей обстановке в то время, (и в тех местах). И о месте ружей там, и в то время. Об этом более подробно ещё будет говориться в этой книге и не один раз. Будет говориться ещё и о регулярных побегах из тех зон. И об учинявшихся грабежах и разбоях, и о том, что иногда на ночь ружья там клали заряженными на табурет, перед кроватями на случай нападения, и ещё кое о чём, другом. Но это дальше. А здесь это приведено, как ответ на возможные замечания «знатоков», о современных правилах хранения ружей в сейфах и под замком. Это всё относится именно к современным правилам и, как теперь принято говорить, «в цивилизованных странах». Цивилизованные правила теперь конечно дошли и туда. Но тогда – там, было как-то, не до нынешних правил. И было именно так, как я это описал!

Очень многое в тех местах изменилось со смертью товарища Сталина. И главное, что там произошло – это то, что из Сибири перестали делать место ссылки и каторги. И там исчезли огромные тюремные образования – детища общеизвестного ГУЛАГа. Остались обычные небольшие, местные тюрьмы. И всё стало, как и везде. А тогда было – именно так!

1.4. Осиное гнездо и старая дорога Ленской Горно-Рудной компании

Ещё несколько воспоминаний, примерно того же времени и того же возраста, может – немного старше, но не более 4 – 5 лет. Отец, очевидно, по-своему, оценил моё пристрастие к охотничьим ружьям и довольно рано стал брать меня с собой на охоту. Он с малых лет стал приучать меня к таёжным делам. Знакомил с природой, поведением зверей и птиц, а заодно старался привить ко всему этому серьёзное отношение. Он конечно брал меня на самые простейшие и наиболее лёгкие виды охот. И один из таких походов, запомнился мне особенно ярко. Была пора охоты на боровую дичь. Это рябчики, глухари, куропатки.

Охота на глухаря – это очень сложное дело. Она требует выхода на ток рано утром или вообще с вечера – на ночь. Там надо уметь скрадывать дичь, застывать на месте и не шевелиться в момент прерывания любовной песни глухаря. Ибо глухарём он называется потому, что он глух именно во время исполнения любовной песни. А вообще – это очень чуткая птица. И это не для маленьких ребят. А вот охота на рябчиков или куропаток – это совсем другое дело. И тут – никаких проблем!

У отца был свисток (манок), которым он владел в совершенстве. Услышав свист птицы, он во-первых чётко отличал голоса самцов, от голосов самок. И на свист самца, он отвечал голосом самки, услышав самку, он подманивал её голосом самца. Я этой премудрости так и не выучил. Но дело не в этом. А в том, что во время блуждания по тайге, я умудрился наступить на осиное гнездо.

Более злобной атаки я не испытывал, ни до, ни после. Было такое впечатление, что осы летели носами вперёд и втыкались в меня, как острые стрелы. Позднее я узнал, что жала у них находятся в задней части брюшка. Но это позднее, а тогда было так – как тогда. Я орал стоя на месте, и слегка приплясывая. Казалось, что от этого кошмара нет ни какого спасения. Отец подбежал и начал сбивать нападавших ос, потом схватил меня и отнёс в сторону. Досталось и ему. Охоту пришлось прекратить.

В другой раз мы набрали на довольно большой участок дороги, явно сделанной руками человека, причём в приличном состоянии. В тайге иногда встречаются хорошо набитые звериные тропы. Но в этой дороге явно была видна рука человека (врезка в склоны холмов, наличие подпорных стенок, с отсыпкой полотна. И прочее). Среди глухой тайги! Откуда? Отец пояснил, что это дорога бывшей Ленской Горно-Рудной компании, по добыче золота.

Она была разрушена в отдельных её участках. Но кое-где, всё-таки, сохранилась во вполне приличном состоянии. Несмотря на то, что это была грунтовая дорога и ей к тому времени было уже более 100 лет. Там, где она не была тронута ливнями или оползневыми явлениями, она выглядела вполне нормально. Горно-Рудная компания пришла с берегов реки Лены. Это был почти тысячекилометровый переход, по тайге, через болота и горы. И именно поэтому Бодайбинский трест назывался «Лензолото». Хотя Леной, тут по близости, вообще, даже не пахло. И многие люди по этому поводу часто недоумевали. Почему «Лензолото»? А оказывается вот оно – почему!

1.5. Происхождение названий города Бодайбо и горной речки – Большой Якорь

А ещё я узнал, откуда произошло название города – Бобайбо? Много времени спустя, общаясь среди людей Европейской части России или Украины, мне часто приходилось слышать произношение названия этого города, как «Бо-дай-бо». Да ещё с ударением на «дай». И приходилось пояснять, что ни с богом, ни с какими-то подаяниями, это название не связано. Оно идёт от эвенкийского «будайду», что означает: «Везде». Дело в том, что когда первые золотоискатели, ещё задолго до прихода сюда Ленской Горно-Рудной компании, появились в этих местах, на берегах Витима, там стояло эвенкийское стойбище – Бисяга. Теперь это название горной речки и посёлка Бисяга – пригорода Бодайбо.

Пришельцы увидели самородки золота, которыми играли дети. И они стали выменивать их на всякие безделушки и всё время спрашивали: «Где? Где вы это берёте?» Эвенки разводили руками вокруг и говорили: «Будайду!», (что значит – везде!). Вот так и назвали это место, что в российском произношении трансформировалось в Бодайбо. Наверное, такому произношению как-то способствовали чисто славянские похожести на слова: «дай» и «бог». Но основа здесь всё-таки эвенкийская – «будайду».

Воспоминания связанные с названием небольшой горной речки – Большой Якорь. Вообще говоря, речкой её никто из местного населения не называет. В лучшем случае – ручей, а то вообще – ключ. Но на самом деле это небольшая, очень бурная горная речка, даже со своим водопадом. Название Большой Якорь идёт, наверное, ещё с тех времён, когда здесь располагалась английская концессия по добыче золота. И возле этого ручья – бросали свой якорь суда Ленской Пароходной Компании.

После революции, советское правительство, с лёгкой руки товарища Троцкого, раздало все золоторудные месторождения англичанам и американцам в концессию. Ленской пароходной компании очевидно не выгодно было везти товары до Бодайбо, а потом сплавливать их назад до Мамакана. Вот и бросали якорь в устье этого ручья. Я думаю, что отсюда и возникло такое название. В наше время никаких концессий тут уже не было и якорей тут никто уже не бросал. Но название осталось.

Кстати, эти места связаны с именем Алексея Николаевича Косыгина, будущего председателя совета министров Союза ССР. Именно он, будучи молодым специалистом, занимался организацией советских золотодобывающих предприятий, взамен закрываемых иностранных концессий. Как бы то ни было, но к тому времени, когда наша семья приехала на Мамакан, никаких золотодобывающих предприятий по Большому Якорю уже не было.

И ещё одно, маленькое замечание. Много позднее, когда на реке Мамакан возводилась гидроэлектростанция, учёными археологами Иркутской археологической экспедиции, в устье Большого Якоря, была найдена стоянка древних людей, времён каменного века. И этой стоянке – около пятидесяти тысяч лет. Так что эти места, древними людьми, были обжиты ещё со времён каменного века.

1.6. Арочный мост

От английской концессии по Большому Якорю, ко времени наших походов в лес, сохранились лишь останки старого деревянного арочного моста. О чём я собственно и собираюсь здесь рассказать. Во время одного из походов в тайгу, нам нужно было перебраться на другую сторону Большого Якоря. Если бы отец был один, то наверное нашёл бы где-нибудь брод и перешёл. Но нас было двое и он хотел показать мне панораму горной реки, а ещё и красивую перспективу, открывающуюся в обе стороны с середины моста.

Мост был старый, но ещё достаточно прочный. Собственно несущие конструкции – были в полном порядке. Настил правда прогнил, но вместо него, на поперечные балки были уложены свежие и достаточно прочные доски, и этим мостом пользовались все: и грибники, и охотники, и те кто ходил за ягодами, и вообще все. Картина впечатляющая: настила нет, под тобой разверзается глубокая пропасть, на дне которой беснуется горная речка. И панорама! Глянешь налево, вслед убегавшей вниз реке – лететь хочется! Глянешь направо – перспектива уходящего вверх распадистого ущелья! Красота!

Отец пропустил меня вперёд и, почувствовав мою нерешительность, крепко свободной рукой взял меня за шиворот. В правой руке он держал ружьё. И так мы двинулись к середине моста. На середине остановились, посмотрели налево, посмотрели направо. Впечатление – на всю жизнь! Правда, не совсем понятно от чего это незабываемое впечатление было сильнее. То ли от открывавшейся перспективы, то ли от зиявшей, внизу, под тобой, пропасти. Перешли на другую сторону ручья. Бродили по тайге. Отец подстрелил несколько рябчиков. С этим, у него всегда был полный порядок, пустой он домой никогда не приходил. А как возвращались назад, – через мост или нет, «убей бог», не помню.

Через много лет, уже после института и окончания аспирантуры, я посетил эти места. Причём, пришёл я туда, аж с Байкала пешком (более 700 километров через тайгу), без огоньков жилья и дорог, переходя реки и болота вброд, с ружьем и рюкзаком за спиной. Помню на Мамакане была сенсация! Мужики, по достоинству оценили мой поступок! Но это совершенно другой вопрос и если будет время, я расскажу о нём. А начал я говорить об этом здесь лишь потому, что когда я пришёл в тот раз на Мамакан, то захотел сходить на Большой Якорь и пройти по тому мосту. Но от того моста не нашёл даже остатков. Толи смыло его одним из паводков, то ли он сгнил от старости. Не знаю.

1.7. Воскресные поездки в Бодайбо

Воскресные поездки в Бодайбо – это были своего рода праздники. Магазины! Рынок! Толпы людей! Новые впечатления! Каждая поездка – была действительно праздником! На улицах лотки с мороженым, изготовленным старым кустарным способом, на натуральных яичных желтках. Пахнущее весенним снежком! Бочки с натуральным клюквенным или брусничным морсом. Более вкусных напитков и сладкого мороженого, (между двумя кругленькими вафельными пластинками), я больше никогда не ел, и не пробовал. И во время того приезда, уже будучи взрослым человеком, я тщетно пытался найти хоть какие-то следы былых впечатлений. Стандартное мороженное, явно привезенное откуда-то из центральных районов в холодильниках, явно напичканное усилителями вкуса. Оно даже отдалённо не напоминало мне того, что было в детстве.

А какое было пиво! Правда, это из более поздних воспоминаний. Но после бодайбинского пива, сделанного на Бодайбинском пивном заводе, поставленном когда-то, ещё в 19-м веке, купцами и золотопромышленниками. Изготовленное по старинным рецептам и выдержанное в дубовых бочках. (Туда нас водили, ещё школьниками, на экскурсию.)

Много позднее, уже закончив Бодайбинскую Среднюю школу. Поставленную, кстати сказать, всё теми же купцами и золотопромышленниками, в том же 19-м веке. И построенную из могучих тёмноокрасных лиственниц. Там было предусмотрено всё: и учебные корпуса (с отдельными помещениями для физического кабинета и химической лаборатории), и дома» для учителей, и интернат для учащихся, со своей отдельной кухней, и даже концертный зал. Так вот, много позднее, я часто сравнивал вкус, встречавшегося мне пива, со вкусом того – бодайбинского. И сравнение всегда было не в пользу вновь сравниваемого.

И только однажды, будучи в Москве, я попробовал – «Двойное Золотое». Так вот оно, хоть как-то напомнило мне то, старое, бодайбинское. И во время того приезда, я пытался найти, хотя бы следы того старого пива. Но кругом было лишь привозное – чешское и немецкое. (Конечно хорошее. Но не такое!) Впрочем, лирическое отступление затянулось.

А тогда, мы вместе с мамой, усаживались вдоль бортов или на поперечных скамейках, в шаланде. Набиралось человек 50—60 и моторка, под названием Энергия, (сработанная руками Ивана Степановича), тянула нас вверх по течению Витима, до Бодайбо. И весь день мы гуляли. А к вечеру, радостные и усталые, самосплавом возвращались домой. У места впадения Мамакана в Витим нас встречала та же самая Энергия и подтягивала к месту причала. Но иногда, правда, по какой-то причине этого не происходило. И тогда мужики, с помощью двух огромных вёсел-гребей, подгребали к нужному берегу. Это были весёлые времена и весёлые праздники!

1.8. Мамаканская ТЭС

ТЭС – это Тепловая Электрическая Станция. С этой электростанцией у меня очень много ярких воспоминаний детства. Знакомство с ней оставило неизгладимый след в моём воспитании. Отец часто брал нас с сестричкой с собой на службу. И мы спокойно сидели в дежурной комнате и занимались каждый своим делом. Мы знали, что если будем себя вести хорошо, то нас ожидает награда. А награды этой – очень хотелось. В свободные минуты отец брал нас и водил по всей электростанции – от загрузки топлива и шлакоудаления, и до распределительного щита высокого напряжения, (с соблюдением всех правил техники безопасности). Эти экскурсии были систематическими, подробными, с доступными пояснениями всех технологических тонкостей процесса выработки электроэнергии.

Прошу прощения за мою приверженность с детства к наиболее простым видам работ, но мне поначалу особенно нравилось бывать в котельной с её дровяными и угольными топками. Помню, когда отец впервые открыл передо мной заслонку дровяной топки и я увидел огромное раскалённое до бела горнило. Это вызвало во мне такой восторг, которого я не испытывал до тех пор. И так, через выработку пара и работу пароперегревателей, (чьи барабаны, мне позднее, 12 летним подростком, придётся чистить), через всю технологическую цепочку, до сияющего чистотой огромного и светлого турбинного зала.

Там громадные турбины вращали многотонные валы, в скользящих подшипниках, со скоростью 5000 оборотов в минуту. Эти скользящие подшипники (если б я тогда, только знал!) мне, через какой-то десяток лет, тоже придётся «шабрить» трёхгранным скребком, проклиная всё на свете. Но тогда! Этот равномерно гудящий звук! Под который можно было стоя и закрыв глаза, почувствовать себя так, как будто бы ты спишь и лежишь. Это завораживало! Объясняться можно было только с помощью знаков. Чтобы тебя услышали, надо было кричать на ухо.

И наконец, святая святых – щит управления, отделённый стеклянной перегородкой от машинного зала, за которой стояла тишина и загадочно мигали разноцветные лампочки. Там на полу, я впервые увидел линолеум. Он сиял разноцветным рисунком, как паркетный пол в каком-нибудь музее. И там я впервые увидел электричество. Я его, именно – увидел. Это была – электрическая искра. Отец несколько шагов «прошаркал» ногами по полу и поднёс палец к краю стола. Ударил искра. Это было неожиданно и казалось колдовством. Потом я сам несколько раз проделал тоже самое. Это было интересно.

И всё это излагалось так ясно, и красочно, и пояснялось таким простым, и понятным языком, что к семи годам, когда мне нужно было идти в школу, я с закрытыми глазами мог пояснить, весь технологический процесс выработки электроэнергии и любую его отдельную часть или операцию. При чём, во всех подробностях. А что касается затронутых мною вскользь, барабанов пароперегревателя и их чистки в 12 лет? Так это правда.

Детей врагов народа в 12 лет иногда даже расстреливали, так почему бы 12 летним пацанам, не чистить эти барабаны. Подумаешь, температура около ста градусов, вон в современных саунах догоняют до 120 и ничего. И дело тут не во врагах народа, да и я никогда не был сыном врага народа (бог миловал!) Просто, котёл ставился на ревизию на несколько часов и долго стоять ему было нельзя, – золотые прииска требовали электричества. Шахты заливали водой и требовалась её откачка. А шла война и нужны были танки и самолёты, а для этого требовалось золото. Вот и не могли терять много времени, ожидая пока котёл остынет.

А потом в отверстие барабана мог пролезть только подросток. Взрослый мог просунуть туда, разве что голову. А чистить барабаны от накипи нужно было быстро, время поджимало. И начальник цеха давал наставления – накидывать на голову какое-нибудь покрывало, например куртку (дышать лучше всего было – под рубашку), чтобы не обжечь лёгкие. Мы обычно так и делали – куртку на голову и дышали под рубашку, (от тела воздух был прохладнее).

Когда я впервые залез туда, то сразу подумал: «Вот тут тебе и...!» Фразу до конца решаю додумать читателю, как говорится, «в меру его испорченности!» Был такой случай – у одного мальчишки в одежде на плече была дырка, так вот, когда он влазил в барабан, обварил себе плечо. Вот так. Вы слышали что-нибудь об эксплуатации детского труда в СССР? И я тоже нет! У нас ведь всё тогда, что не укладывалось в норму закона называлось – «Отдельными случаями». Впрочем, насильно нас тогда, никто туда не гнал. Так что нечего!

Пойти на заработки в 12 лет, меня заставила жизнь. Папа заболел, его парализовало. Он 8 лет пролежал и умер. Сказались, видимо, тюрьмы и ссылки, Гражданская война, и ранения. И Первая Мировая здоровья не прибавила. В общем, пришлось. И если вы думаете, что работа по очистке барабанов пароперегревателей была самой страшной, то вы здорово ошибаетесь!

Работа коногоном была, куда опаснее. Как-нибудь расскажу. А что касается упомянутой шлифовки подшипника скольжения, то он не самый страшный и трудный. Нудный, правда, – это да! Подшипник скольжения паровой турбины во время работы, представляет собой расплавленную баббитовую ванну, в которой собственно и вращается вал. Когда турбина останавливается на ревизию, то часть баббита сливается и застывает внизу. Подшипник по сути выходит из строя.

Поэтому его заново заливают баббитом, а чтобы проделать ложе для вала, куда его можно было бы положить – подшипник нужно было «прошабрить» вручную. А потом, когда вал уже вложат и он закрутится – он мгновенно оплавит все неровности и будет вращаться в расплавленной баббитовой ванне, почти не испытывая трения. Остаётся пояснить, что такое баббит. Это по сути, сплав олова с небольшим добавлением свинца. Его название идёт от имени изобретателя – американского инженера, Бэббита. А «шабрить» всё это в ручную и вправду нудно.

1.9. Начало Великой Отечественной войны

Мои детские воспоминания о начале войны. Мне 5 лет. Не буду говорить, что детским умом я понял и осознал то великое горе, что в одночасье свалилось на плечи нашего народа. Более того, я вообще ничего не осознавал. Я просто увидел, что мать плачет и одновременно какое-то суровое, почти чужое лицо отца. Мы с Элей бросились к маме: «Мама, почему ты плачешь?» Мама прижала нас к себе и тихо сказала: «Война!»

Что за война? Почему война? И почему по этому поводу нужно плакать? Я тогда толком, так и не понял. Но детским чутьём осознал, что это дело плохое и очень серьёзное. Не помню, в этот же день или немного позже, побежав в посёлок играть (наш дом был на окраине, возле самого леса), я увидел длинную очередь, через всю площадь. Стояли одни мужчины в фельдшерский пункт. Больницы в посёлке не было. Я спросил у ребят, что это за очередь? Мне сказали, что это заключённые, добровольцами записавшиеся на фронт, проходят медкомиссию. Дело в том, что у нас по середине посёлка стояла тюрьма, обнесённая высоким забором.

Контингент сидельцев там был со всего Советского Союза. Об этом я узнал потом, уже повзрослев, а тогда я своими глазами видел длинную очередь, которая одним концом упиралась в амбулаторный пункт, а другой конец уходил через всю площадь, мимо здания Управления Мамаканской ТЭС и терялся где-то у возвышавшейся стены, со сторожевыми вышками по углам. По современному разумению – длина очереди была метров 300 – 350.

В связи с этим мне хочется сказать несколько слов. Когда в некоторых наших кинофильмах, (нашими кинорежиссёрами – «стряпаются»), а потом в кинотеатрах показываются сцены, как заключённых чуть ли не под конвоем (а иногда и с собаками) гонят на фронт! А иногда – иначе: перед строем предлагают добровольцам выйти из строя, чтобы ехать на фронт. А они («злые») внутренне противятся и не выходят, и их начинают преследовать за это, загоняя в бараки! Мне глядя на всё это, откровенно говоря, – становится стыдно! Я своими глазами видел длинную очередь свободно стоящих людей. Причём их никто не охранял и там не было никаких сторожевых собак! Эту дурь придумало воспалённое воображение современных демократов!

И ещё одно, что-то слишком часто в последнее время, обыкновенных уголовников в современных кинофильмах, стали изображать чем-то вроде злостных противников советской власти. А они никогда таковыми не были. Они всегда были лишь тем, кем они всегда на самом деле и были – обыкновенными уголовниками. И нечего из них делать диссидентов. А незнание среды и сути – всегда ведёт к фальсификации.

Через несколько дней я увидел ещё одну картину, но уже на берегу реки. Я говорил, что наш посёлок стоит у места впадения реки Мамакан – в реку Витим. Пароходы обычно не заходили в наш посёлок, а шли мимо и прямо в Бодайбо. А тут белый, двухпалубный красавец зашёл прямо в устье Мамакана. Стояла яркая солнечная погода и пароход, медленно вращая плицами, держался на одном месте – против течения. Вода в Мамакане кристально чистая и в солнечную погоду там видны мелкие камешки на дне реки и сверкающий белый песок. Зрелище, сказать, просто хорошее – это значит ничего не сказать.

Весь народ посёлка был на берегу. Я скажу сейчас, наверное, по мнению кого-то, кощунственную мысль, – но это был праздник! Праздник и одновременно – великое горе! Женщины рыдали, а мужики остервенело плясали. Играла гармонь. Пели песни. Стоял шум и гам. Пароход держался на одном месте, по середине реки, а на него лодками переправляли уходивших на фронт. Среди уходивших я увидел Тимку Хóхлова. Я повторяю, именно Хóхлова, а не Хохлова. Потому, что в посёлке его звали именно так. Здоровенный парень, он пританцовывал и напевал, наверное, тут же сочинённую песенку:

«Если только жив я буду, Мамакан я не забуду.
Я, ребята, не шучу. Всех вас пивом угощу!»

Красивые были ребята. И надо сказать, что некоторые потом-таки вернулись с фронта. Вернулся и Тимка Хохлов. Живой, здоровый! Полковая разведка! Косая сажень в плечах, перетаскавший не один десяток немецких офицеров через линию фронта! Вернувшиеся фронтовики, уже после японской, собрались на берегу Витима, возле клуба. Закусочку разложили на валуне. Выпивали, закусывали, весело смеялись и пели фронтовые песни. Вы думаете: «Выпьем за Родину, выпьем за Сталина?» А хрен вам всем в зубы!

Все привыкли к фронтовым песням, по нашим кинофильмам. А тут был армейский, фронтовой (я бы даже сказал «окопный») фольклор. Мы, повзрослевшие пацаны, сидели чуть поодаль и слушали, и впитывали всё, что они пели, и о чём разговаривали. Постараюсь дать несколько образчиков фронтового фольклора. Вот один образец, на мотив известной казачьей песни:

«Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить!
С Главполитотделом не приходится тужить!
Эх! Вызывают меня в политотдел:
«Почему ж ты, падло, вместе с танком не сгорел?»
А я им отвечаю, я им говорю:
«В следующий раз я – обязательно сгорю!»
Эх! Любо, братцы, любо! Любо, братцы, жить...
С Главполитотделом не приходится тужить...»

А вот другая песня, уже с японской войны:

«Раз ко мне приходит самурай! Да, да!
Землю до Урала нам отдай! Да, да!
А не то, с Святой Микадой,
Землю всю, до Ленинграда,
Заберём тогда, мы вместе с вами! Да, да!»

Отвечает русский наш народ:

А вот, что ответил ему «Русский наш народ», я дословно передать вам не могу. Но смысл ответа, примерно, такой:

«Ах ты, курва! (конченная) – в рот!
Передай своей «Микаде»:
(Дескать, будет всё – как надо!)
Пусть «Микада» ваша – хрен сосёт!»

Я как мог смягчил ответ на претензии самурая. В действительности ответ был более красочный и конкретный (и по-армейски, более прямолинейный). Нравится это кому-то или нет, но эти ребята войну выиграли! Я начал это воспоминание с начала войны и закончил эпизодом из её окончания лишь потому, что нужно было как-то завершить эту тему, а действующие лица были – почти одни и те же. А дальше, постараюсь продолжить всё по порядку.

Плачущую маму и такое же суровое лицо отца, я видел ещё раз, когда мама получила письмо от тётки Шуры (уже в 1943 году). В том письме тётка Шура писала, что дядя Боря (её муж и мамин брат) – гвардии майор, лётчик дальней бомбардировочной авиации, погиб. Для меня лично это была страшная трагедия. Вот когда я, наверное, до глубины души осознал, что такое война!

Дело в том, что дядя Боря был моим детским кумиром. Так например, я в детстве, боялся холодной воды. Водопровода в посёлке тогда не было. Вода наливалась в умывальник (с сосочком) из бочки, что стояла в коридоре, (иногда разбив плёнку льда). И я всеми правдами и неправдами старался избежать этой процедуры.

Тогда мне сказали: «Что дядя Боря – не боялся холодной воды и каждый день умывался, раздевшись до пояса!» И я, как дурак, копировал всё, что приписывали дяде Боре: мыл шею и уши холодной водой, и занимался гимнастикой. Не знаю насколько всё это было правдой. Или меня просто дурачили, но эффект был – железный.

А если судить по фотографиям, которые сохранились в семейном альбоме, то Борис Иванович был действительно стройным и подтянутым офицером. И на редкость, красивым мужчиной! И для меня он так и остался кумиром – на всю жизнь.

Глава 2. Воспоминания 7 – 8 летнего возраста

2.1. Наледи

Золотой возраст. Ответственности никакой. Гуляй – не хочу! Летом походы в лес, купание в реке, рыбалка. Зимой санки, лыжи. Катание с гор и по наледям. Интереснейшая штука эти наледи. Интересная и одновременно коварная. Расскажу об одной из них. По берегам Мамакана и Витима текут ручьи, большие и маленькие. Для наледи это не имеет значения. Главное, чтобы ручей не был пересыхающим ни летом, ни зимой.

Наступает зима, ручьи промерзают до дна. Но подземная вода, питающая эти ручьи не промерзает, она скапливается под землёй, оттока нет – и её давление от этого увеличивается. Вода ищет выхода, находит слабые места (обычно это трещины и щели) и выходит наружу. Подо льдом она течь не может (ибо ручьи промерзают до дна), поэтому она течёт по поверхности замёрзшего ручья. Течёт и снова замерзает. Нарастает толщина льда, которая способствует скоплению воды под снегом.

Из-под земли прорывается очередная порция воды, скапливается перед толщей льда, как перед плотиной, уровень её растёт, становится выше ледяной корки и она снова течёт по поверхности льда, и тоже замерзает. Этот процесс длится всю зиму. И нарастает большая, а иногда и громадная гора льда, с хорошим уклоном и очень скользкая. По такой наледи кататься, подложив под себя какую-нибудь фанерку или дощечку – одно удовольствие. Со свистом! Скорость – невероятно большая! Но есть и опасность. Нет, не от скорости движения и не от вихревого закручивания. Биться тут не обо что, поверхность идеально гладкая – вынесет и выплюнет в рыхлый снег, в конце наледи.

А вот сразу за верхним гребнем наледи – есть опасность! Ведь – это же, по сути, вертикальная ледяная плотина, которая подпирает незамерзающее подснежное озеро, которое не замерзает даже в самые суровые морозы. И высота (вернее глубина) этого подснежного озера равняется толщине наледи. Так что влететь туда можно и по пояс, и с головой, если полезешь выше наледи. Я влетел по пояс. Вылез, а на улице – мороз, штаны мигом превратились в ледяной панцирь. Я плюхнулся на наледь – лёд, по льду скользит так, что меня выплонуло чуть ли не на середину реки. Вскочил на ноги – внутри всё хлопает, а сверху ледяной негнувшийся панцирь. Хорошо, что до дому было метров 300 – добежал, переоделся, согрелся и даже не простудился. Но могло закончиться и плачевно.

Тут нужно помнить, что лезть выше гребня наледи – нельзя! Там под снегом, никогда не замерзающая вода. А глубина этой воды равняется толщине этой наледи. А в остальном – это милое времяпровождение, на дощечке, без дощечки, просто сел на попу и только ветер в ушах!

Я рассказал об одной опасности, которая таится в наледях, при детских забавах, на зимнем морозе. А много лет спустя, уже получив инженерное образование, я узнал о более грозных опасностях, которые таят в себе наледи. Как они могут разрушать здания, перегораживать шоссе и железные дороги, если те запроектированы и построены с нарушением требований геологии. Как например на Аляске, американцы вынуждены были проделывать проходы, в перегороживших дорогу наледях. Они вынуждены были бросить на борьбу с ними войска, и применять современную технику, и даже огнемёты. А самое интересное, что бороться с ними бесполезно! Ибо подтопление и замораживание зимой – неистребимы. Вот ты борешься с наледью, проделываешь в ней проходы, а она продолжает расти, и нету силы, которая могла бы её остановить.

И самое правильное, если дороги уже построены, а убрать их по каким-то причинам нельзя, – это начать работы по осушению грунтов. Или каким-то иным способом предотвратить

подтопление. Например, можно забить в грунте шпунтовую стенку, которая изменит направление тока подземных вод. А это, я вам скажу, вылетает в копейчку! Поэтому, самый верный способ борьбы с наледями – это правильное геологическое изыскание и недопущение строительства в тех местах, где они могут образоваться. А это искусство, которым нужно владеть. И последнее. Наледи могут быть высотой до 100 метров (так что, постоянно помните про подснежное озеро соответствующей глубины). А мне повезло – я влетел в мелководное озеро!

2.2. Лыжи, коньки и «бочи»

Зимние развлечения не ограничивались катанием на наледях. Это было всего лишь одним из развлечений. Катание на санках было не менее увлекательным. А кроме всего прочего, мы ведь учились в советской школе. И не просто в советской школе, а в сибирской советской школе. Поэтому, лыжные соревнования были неотъемлемой частью нашего воспитания. А раз были соревнования, то были и тренировки. А были и просто катания на лыжах с любимых гор, помимо всякой обязательности. Но самым любимым видом лыжного спорта, было катание на самодельных лыжах, сделанных из разбитых селёдочных бочек. Мы их так и называли – «бочами».

Сначала нужно было «стырить» старую селёдочную бочку, которые лежали годами сложенные у забора в «продснабе». Селёдку завозили летом, на баржах, во время навигации, а освободившуюся тару складывали в штабель, у забора. Лежали они там десятилетиями и никто не собирался вывозить их на «Большую Землю». Официально – это была «соцсобственность», а расхищение «соцсобственности» – это дело серьёзное! И всё-таки мы её крали – эту самую, никому не нужную «соцсобственность».

Склад бочек находился на излучине, у места впадения Мамакана в Витим. В «продснабе» был сторож, но его легко можно было отвлечь, а зачастую и не нужно было ничего делать – в морозные дни он просто сидел в своей отапливаемой сторожке и носа не показывал во двор. Поэтому, забравшись на склад бочек, ты просто выбирал нужную тебе бочку и перебрасывал её через забор. Снега на Мамакане были отменные, все неровности на береговом откосе, и на льду реки заносило толстым слоем снега, и бочка выкатывалась чуть не на середину слияния Мамакана с Витимом (а это метров 300, не менее). Там мы её спокойно разбивали и выбирали нужные пластины. Потом к этим пластинам крепили ремённые крепления и «бочи» были готовы.

Что мы вытворяли на этих «бочах»? Самые крутые и извилистые склоны, были нам «нипочём»! Теперь этот вид спорта называется «фристайлом» («свободный стиль», по-русски). Кто бы мог тогда подумать, что у такого простого и вместе с тем, доступного развлечения, такое мудрёное иностранное название. А главное, что этот вполне официальный вид спорта появился, как спорт, лет на 40 позднее нашего катания. Для нас – это было просто баловство и на лавры первооткрывателей мы не претендовали.

Но у лыж сделанных из бочек, было несомненное преимущество перед официальным фристайловским инвентарём. Бочечные пластины имели кривизну в двух направлениях. Опирались они фактически – на одну точку! И это было чем-то вроде лыж для фигурного катания. Полная аналогия с коньками для фигурного катания, ибо они тоже опираются на одну точку. Правда, всех этих мудрёностей, мы тогда попросту не осознавали. Просто, бочечные пластины оказались хорошим материалом, для изготовления лыж, для подобного катания. Какие «фортели» мы выделывали на них! Уму непостижимо! А если ещё облить их водой и выставить на мороз, то тогда вообще – красота! Ледяная плёнка сводила силы трения практически на нет и тогда скольжение было – вообще сказочное! Где ж ты, детство и мои бесподобные бочи!

2.3. Рыбные озёра и пещера

На втором изгибе Мамакана (от устья, вверх по течению) раньше были, так называемые «Рыбные озёра». Дело в том, что во время паводков низменные места берегов, отделённые от воды невысоким барьером заливались водой. Правильнее было бы назвать их заливными озерами, но их называли «рыбными» потому, что к концу лета они пересыхали и в отдельных углублениях там можно было ловить рыбу. В том числе и руками. Это было одним из местных, ребячьих развлечений. Но рассказ здесь будет о другом.

Дело в том, что недалеко от Рыбных озёр, в склоне Мамгоры была пещера. И рассказ здесь, собственно о ней. Пещеры, всегда, везде и, наверное, у всех народов вызывают мистический интерес, и побуждают людей к сочинению всевозможных легенд, мифов, а чаще всего, просто небылиц.

Однажды зимой, наигравшись вдоволь, мы сошлись в тесный кружок и Герка Пушкарёв сказал, что во время «леворюции», в пещере прятались «леворюционеры» (он именно так выговаривал слово – революция). И там могут быть места, где они прятали оружие. И если хорошо поискать, то там можно найти наганы. Последние слова очень воодушевили нас. И мы договорились, что завтра с утра соберёмся и пойдём на Рыбные озёра.

Надо сказать, что зимой попасть на Рыбные озёра – дело довольно проблематичное. Дороги, по сути, нет. Снегу – по пояс! Но назавтра, в полном составе мы двинулись вверх по течению Мамакана. На первом повороте Мамакана место называлось Смольный. Там раньше гнали древесную смолу и во время моего детства там ещё сохранились развалины смолокурни и кое-где валялись даже – смоляные котлы. Дороги, как таковой, не было, но были следы от якутских нарт и оленей. В верховьях Мамакана находилось якутское стойбище – Тельмама. Собственно, так называется один из притоков Мамакана (в устье его и находилось это стойбище).

Охотники, на оленьих упряжках, иногда навевывались в посёлок – в магазин или к знакомым. Навевывалась иногда и молодёжь в клуб, на танцы. Так что снег был притоптан. Ледяных торосов, правда, никто не срубал, дороги не выравнивал. Но всё же лучше идти по этим следам, чем барахтаться в рыхлом снегу. Мы и до вечера бы не добрались. А так пришли на место – довольно быстро. Вход в пещеру оказался грамотно заваленным. На входе лежал огромный камень. Сдвинуть его не было ни какой возможности. Если легенда о спрятанном оружии была правильной, то НКВД, в таких случаях, действовало совершенно чётко. И как результат – вход в пещеру был завален.

Только, с высоты современного понимания тех событий, есть большие сомнения в истинности этой легенды. Советскую власть в Бодайбо, и это уже не по легенде, а на самом деле, установил партизанский отряд под командованием болгарской революционерки Стоянович. Пришёл этот отряд из Якутска и рыбоозёрская пещера, никоим образом, не лежала на пути следования этого отряда в Бодайбо. Да и размеры пещеры, судя даже по заваленному входу, могли вместить в себя 5—10 человек, но никак не несколько сотен бойцов.

В Бодайбо есть улица имени Стоянович. Мы по незнанию, называли её улицей Стояновича. И только много позже, уже взрослым человеком вернувшись в родные края, я узнал, что это был не он, а она. Это была болгарская революционерка, отбывавшая ссылку в Сибири. Во время революции, она собрала в Якутске отряд и установила советскую власть в ряде населённых пунктов Восточной Сибири, в том числе и в Бодайбо. И фамилия её не Стоянович, а Стоянович.

Но это просто, к слову. А тогда мы, оставив попытки отодвинуть камень, развели перед пещерой большой костёр и устроили обычные ребячьи игры. А потом заметили, что дым от костра тянется к входу в пещеру и через щели затягивается во внутрь. Играли мы там часа

два или три и всё это время горел костёр. Потом мы вернулись домой и узнали пугающую весть, что скоро Мамгора начнёт извергаться. Оказалось, что Мишка Савельев пошёл в лес, под Мамгору, нарезать веток для изготовления мётел и увидел, что из одной расщелины в Мамгоре валит дым. Он побежал в посёлок, разнося эту весть. («Эх! – восторженно думал Мишка – и у нас, наконец-то, будет вулкан!») Вот было хохоту, когда всё открылось!

2.4. Мамгора

Мамгора – это название горы на Мамакане (знаменитое место!). Это было место отдыха, повод для сочинения каких-нибудь бытовых рассказов и даже источник песен местного изготовления. Это относилось ко времени, когда на Мамгоре и прилегающей к ней территории, начали заготавливать дрова для электростанции. В тридцатые годы Мамаканская ТЭС работала на торфе, месторождение которого находилось под самой Мамгорой, на заболоченном древнем русле Мамакана. Это месторождение делилось на два участка: Первый и Второй Торф. Но запасы торфа начали иссякать и тогда принялись за дрова.

Лес рубили на самой Мамгоре и спускали его вниз по деревянным лоткам. А потом стали рубить и по всей округе. Остатки этих лотков ещё долго были видны на её склонах. Когда запасы леса стали исчезать во всей округе, заготовка леса отодвинулась на многие километры вниз по Витиму. А потом, из-под Черемхова стали возить каменный уголь, для сжигания его в топках электростанции.

Во времена моего детства, взрослый лес в округе Мамакана был уже начисто вырублен и сожжён. Вокруг посёлка был по сути подлесок – деревья не выше 5 метров высотой. Нам тогда, всё это казалось дремучим лесом. Но это был подлесок. Приехав на Мамакан через 30—40 лет, я увидел именно взрослый лес – высота деревьев была до 20 метров и выше. Наглухо заросли все бывшие залысины и поляны. Но тогда было именно так.

Правда, вырубая лес – кедры, как правило не трогали, так что попадались красавцы высотой до 30 метров и выше. Да и вырубка шла не сплошную. Были места, к которым нельзя было подъехать, а следовательно и вывезти срубленный лес. Там тайга стояла не тронутой. С того времени и сохранилось несколько местных фольклорных песенок. Вот одна из них:

Есть на Мамакане Мамгора. Да! Да!
Нас гоняют каждый день туда. Да! Да!
Там мы пилим, и строгаем,
И родных мы вспоминаем:
«Эх! Зачем нас мама родила!»

А ещё такая байка: сидит мужик у ручья. Подходит к нему начальник и спрашивает:

«Шарафутдинов! Ты что тут делаешь?»
– «Мух лёвим!»
– «Зачем мух ловишь? Работать надо!»
– «Работа такой – мух лёвим!»

Оказывается, мхом он называл торф, который он вылавливал из ручья и складывал, тут же для просушки. А потом, когда он высохал – его грузили на машины и отвозили на склад топлива электростанции.

Я уже рассказывал, что первоначально Мамаканская ТЭС использовала торф для сжигания в своих топках. И было два участка, где он разрабатывался: Первый Торф и Второй Торф. Когда-то, может быть миллионы лет тому назад, под Мамгорой проходило древнее русло реки Мамакан. Река много раз меняла своё русло и вся мамканская пойма, на которой ныне находится, и посёлок, и электростанция, – это результат многовековой работы реки.

Когда река ушла из-под Мамгоры, то там образовалось болото, в результате жизнедеятельности которого и выросли огромные пласты торфа. И если Первый Торф находился на срав-

нительно недалёком расстоянии от электростанции и там нарезанный и высушенный торф, сразу же, как со склада отвозился на станцию. То Второй Торф был на значительном удалении.

И ещё одно – в конце Второго Торфа находилось большое, красивое озеро, из которого вытекал ручей, вполне пригодный для транспортировки нарезанного торфа. Торф сплывал вниз по ручью, на нижнюю ступень поймы. Там оставалось его выловить и высушить, после чего его можно было отправлять автомашинами на склад топлива. Вот Шарафутдинов – татарин по-происхождению и занимался отловом, и просушкой торфа (называя его «мхом»). Вот так и родилась местная присказка: «Зачем мух ловишь? Работать надо!»

2.5. Мамаканские татары

Мамаканские татары это особый разговор. Весёлый и шепутной народ, неунывающий ни при каких обстоятельствах. Все свои невзгоды, они всегда превращали, в шутки, круто посолённые песенки, или присказки, типа:

Гиндулла – пей вода! Ешь вода!

Дескать в туалет, по-большому, не будешь ходить никогда! Вы ж понимаете, что эта фраза здесь звучит в несколько сглаженном варианте. Всё это казалось мне, чем-то вроде отличительной черты неунывающего народа, в те довольно голодные годы. Справедливости ради, у большинства этих песенок был автор. И имя его – Азым Хафизов. И этому будет посвящён специальный рассказ. Но и здесь, приводимые стихи и песенки – это по сути Азымовы сочинения:

Всем татарам деньги дать!
Праульно! Праульно!
Всем татарам – лес рубить!
Не праульно! Не праульно!

И так по каждому выгодному или благоприятному случаю жизни. Например, за словами: «Всем татарам водку пить!» (Или «Песни петь!») Разумеется следовало «Праульно! Праульно!» А после слов, что сулили менее выгодные или престижные обстоятельства, естественно звучало: «Не праульно! Не праульно!» Меня всегда поражала какая-то неистребимая жажда к сочинительству. И умение всякие шутки пересыпать острыми вставками и поразительно в рифму. Мне, мальчику, воспитанному в интеллигентной семье и приученному мамой (несмотря на отцовский аскетизм и атеистическое мировосприятие) к молитве на ночь, было интересно слушать все эти прибаутки. А обладая хорошей памятью, я часто приносил всё это в дом. И поначалу недоумевал, почему это мои родители, с каменными лицами выслушивают все мои «приношения», и явно были не в восторге от всего этого.

Я не знаю откуда их было так много в посёлке? Наверное половина всего населения. Во всяком случае ребятни, было точно половина-на-половину. Уличная школа была, надо сказать, отличная (а за «учителей» – я вообще молчу). И татарский язык, надо сказать – довольно удивительное явление. Так например, в нём есть вполне приличные названия мужским и женским интимным местам. При чём эти названия на их языке настолько приличные, что гуляющая пара влюблённых, может их свободно употреблять в разговоре между собой, не ощущая при этом никакого дискомфорта. Это было особенно удивительно, когда я пытался сравнить всё это – с нашими «трёх-этажными». Это же кошмар!

Так что, меня часто сопровождали песенки, типа:

Айда, Зингер, урманга!
Кара ила – ошарга.

Впрочем, в приведенном куплете нет ничего предосудительного:

Пойдём, Зинка, в лес!
Чёрная ягода поспела.

Надо полагать, что «чёрная ягода» это «черника», да и вообще всё самое интересное начиналось, именно после того, как Зинка соглашалась пойти в лес. И что интересно, татарский язык в смысле общеупотребительности – очень гибкий. Так например, выражение: «Потак шишкен», можно перевести и совершенно литературно, мол у «Зинки попка пухленькая». Но мне-то всё это переводила босоногая и сопленосая братва, так что было от чего прийти в восторг.

Но всё это было, когда мне было 5—7 лет и я ещё не знал жаргонной лексики. Отчего довольно часто попадал в «пиковые» ситуации: например, прихожу как-то домой и во всеуслышание заявляю: «Мишка Зайцев! Такой здоровый пацан, а слова „брат“, правильно произнести не может, – Всё, блять! Да, блять!»

А для строгих цензоров, что следят за чистотой написанного текста напоминаю, что подозреваемое вами нецензурное слово – пишется через букву «д» (а вовсе не через «т»). Я запомнил вытянувшиеся лица у отца и матери, когда я произнёс всё это. Сценка была подстать Гоголевскому Ревизору. В доме наступила гробовая тишина. Меня не ругали, не читали мне нравоучений, просто молча спустили на тормозах и всё. И через несколько дней всё забылось.

А что касается древних русел Мамакана, так несмотря на то, что их было много, в настоящее время, можно отследить – только три. Первое русло уходило влево от Мамгоры и впадало в Витим там, где Шарафутдинов вылавливал торф. Второе уходило вправо от Смольного и впадало в Витим там, где сейчас находится система озёр и болот, из которых вытекает современный Тёплый Ключ.

А современное русло – по середине между древними, прямо от Смольного поворачивает и впадает в Витим. Много позднее, когда я учился в институте, здесь на повороте у Смольного поставили плотину Мамаканской ГЭС, которая теперь обеспечивает электроэнергией всю округу, включая БАМ. Так вот, когда строили Мамаканскую ГЭС, (а строили её по методу «сухого русла») – течение реки отводили в древнее русло – в сторону Тёплого Ключа. Кстати, Мамаканская ГЭС была, в своё время, первой гидро- электростанцией, построенной в условиях вечной мерзлоты.

После возведения Мамаканской ГЭС и образования Мамаканского водохранилища, под воду ушли, и рыбные озёра, и вход в пещеру. Так что всё теперь похоронено на дне водохранилища.

2.6. Жимолость

Не знаю, как сейчас, а в детские годы, в окрестностях Мамакана были огромные заросли жимолости. Её ягоды созревают к середине лета. Высота кустов бывает разная и зависит, и от сорта жимолости, и от возраста кустов. Они могут быть и до пояса высотой, и выше человеческого роста. Когда жимолость созревала, мы часто бегали поесть сладкой и очень душистой ягоды.

Справедливости ради нужно сказать, что иногда попадается и кисло-горький сорт жимолости. И горечь у неё надо сказать такая, что потом долго отплёвываешься и заедаешь её сладкой жимолостью, прежде чем исчезнет неприятное послевкусие. Но это ни в коей мере не останавливало нас, от походов в лес. Сладкая и душистая ягода окупала всё.

В один из таких набегов на заросли жимолости, я отделился от группы ребят и незаметно зашёл довольно далеко. Я двигался, постепенно раздвигая высокие кусты. Меня беспокоило большое количество мошкар. Наверное поэтому я и не останавливался на одном месте, а всё время шёл и шёл. И поначалу даже не сообразил, что чем дальше иду – тем больше становилось мошкар. И вот, отодвинув очередной куст, я увидел, что за соседним кустом стоит на задних лапах здоровенный медведь. Он обнял своими передними лапами высокий куст жимолости и деловито объедает его. А над ним вьётся туча мошкар.

В середине лета, медведь сытый и на людей, как правило, не нападает. Он оторвался от еды, поднял свою морду и внимательно посмотрел на меня. Я остолбенел. Между нами было от силы полтора метра. Очевидно, семилетний мальчишка не представлял для него опасности, а ягода была очень вкусная и он принялся дальше её объедать, не обращая на меня никакого внимания. Я осторожно отпустил отодвинутый куст, (словно отгородился занавеской), и медленно стал пятиться назад.

Отодвинувшись так на несколько метров, я повернулся и дал дёру. Я и раньше слышал, что сытый медведь любит наблюдать за детьми, а особенно за женщинами. И не нападает на них, но и не уходит, а часто держится в пределах видимости. Но когда женщины поднимают крик и шум, или начинают бить палками в тазы и вёдра, то он уходит.

Шума медведь не переносит. Но одно дело слышать это от других, а другое дело столкнуться самому, чуть ли не на расстоянии вытянутой руки. У меня ещё долго после этого тряслись поджилки. Ягодное пиршество на этом закончилось. После этого случая, мы долго не решались углубиться в лес и ходили в основном по краюшку.

Глава 3. Воспоминания 8—12 летнего возраста

3.1. Неожиданная болезнь отца и раннее взросление

Это было, конечно, и раньше. Но до этого, все заботы по охране и защите дома и семьи, лежали на отце. И меня всё это не касалось. Но в 1944 году, когда мне было 8 лет, отца разбил паралич. И мне во многом пришлось очень рано повзрослеть. К моим детским забавам и играм прибавились дела и заботы, которые иногда ложатся на плечи куда более взрослых людей. Ни для кого не секрет, что в те времена, на золотодобывающих предприятиях работали в основном заключённые. Там были всякие, но были и такие, кому сидеть было 20 лет и более. И они даже не мечтали, что когда-нибудь выйдут на свободу. Потому, что срок этот – был, мягко говоря, не окончательным. Существовала хитрая система негласных правил, по которым тем, кому было дано 20—25 лет, как правило, на свободу не выходили.

Конечно, из любого правила были исключения. Но существовало и правило! За время отсидки, всегда находился повод для увеличения срока заключения. А за побег, просто восстанавливался первоначальный срок. И всё! Больше 25 не давали, но и свои – 25, каждый мог занять всегда и пожизненно.

Поэтому, когда наступало лето, начинались регулярные и массовые побеги. Зимой – температура минус 40, а до железной дороги 1,5—2,0 тысячи километров! Хотя выпускай всех из-под стражи! Никто никуда не побежит. А вот летом, бежали все, особенно, кому было сидеть 20 и более лет. И ведь практически все знали, что никто, никуда не убежит! Почти всех поймают! И знали также, что больше 25 лет не дадут! Вот и бежали, чтобы глотнуть, хоть глоток свободы.

Путей было только два: либо на лодках по Витиму и Лене до Усть-Кута, либо по Мамакану и Верхней Ангаре до Байкала. А там – по Байкалу, до железной дороги. Оба пути были хорошо известны. По ним, на лето выставлялись посты и практически вся беглая братия возвращалась назад. Уходили редкие единицы. Когда в наших кинофильмах показывают, как они бегут зимой, а иногда даже без шапок (мода, взятая из голливудских боевиков). А за ними – гонятся! Это конечно, – очень интересно! (Но это – дурь собачья!)

Зимой за ними никто и никогда не гонялся! И даже не искал! Все зимние побеги были лишь до первой ночёвки. А дальше, либо они сами приходили обмороженными, либо становились окостенелыми трупами. Зверья в тайге много. А весной медведь всё остальное прибирал без следов и остатков. А что зимой с Севера никто, никуда не бежал, зафиксировано на бытовом уровне, как аксиома, в десятках присказок и поговорок. Мало того, это отмечено даже в бардовском, околотюремном фольклоре:

Опять зима, опять пурга!
Придёт метелями звеня.
Сойти с ума!
Уйти в бега —
Теперь уж поздно для меня!

Побеги (у нас, во всяком случае) начинались только с наступлением лета. Да и бежали, больше для того, чтобы душу отвести! «Погоулять», вырваться на свободу да напиться живой крови! Подвалит фарт – хватить водочки или изнасиловать кого-нибудь! А там, что бог даст. С золотых приисков, что почти все как один (около 10 штук) располагались вдоль реки Бодайбо, бежали до верховьев Большого Якоря. Дальше – через Витим. (Перевозила их, скорее

всего, бакенщица Валько.) Жила она в зимовье, среди глухой тайги, на беглой тропе, в устье Большого Якоря. Мужа у неё не было, но рожала она регулярно, каждый год. Детей там было штук пятнадцать, причём совершенно разных и настолько непохожих друг на друга, что все только диву давались: «Откуда они взялись?»

Не хватало там, разве что, африканцев! Но в сталинские времена с этим была проблема. А всех остальных – аж с избытком! И монголоиды, и арменоиды, и наши братья славяне, и кавказцы, и азиаты, и евреи, да все настолько кондовые, – интернационал да и только. В нашем, посёлке, отродясь таких не водилось. А кроме Мамакана, здесь на десятки километров никого больше не было. И наш посёлок был последним, среди населённых пунктов, хоть в сторону Байкала, хоть в сторону Усть-Кута. И где ж было погулять, как не в Мамакане.

И как лето – только и слышишь: там семью вырезали, там кого-то ограбили, там кого-то убили. И этому конца и края не было! Лишь после смерти товарища Сталина, было дано распоряжение, по которому прекратили ссылать сюда людей и делать из Сибири всеююзную тюрьму. А до этого, сюда гнали всё отребье, со всех концов Советского Союза! К тому же наш дом стоял, как раз на краю посёлка. За нашими огородами – начиналась тайга! Он был отгорожен от остального посёлка – забором «территории станции». И кричи, не кричи, никто не придёт, и никто не поможет! В общем – режь не хочу!

Под нашим домом, на берегу по утрам, мы часто обнаруживали брошенные лодки. Ночью кто-то переезжал речку и бросал их. Хозяин лодку не бросит, а если и оставит на время, то обязательно придёт за ней. Лодка – ценность и предмет большой необходимости в условиях Сибири! Бросает только тот, кому она не нужна: украл, переехал и всё.

И у нас, в посёлке, была тюрьма. Отгорожена она была высоким забором. Но из неё никто, никогда и никуда не бежал, ни зимой, ни летом. Потому что, здесь сидели только те, кому оставалось до освобождения максимум 5 лет. Не было смысла бежать – режим был божеский. Раз в неделю, людей водили в поселковую баню. Сидели здесь разные специалисты, в том числе и врачи. Да ещё и какие! Думаю, что ко многим из них в Москве да и в других городах, не всякий мог попасть на лечение. А тут пожалуйста. По воскресеньям им выделялось помещение и они принимали местных жителей. По воскресеньям, с утра, перед входом в зону, выстраивалась очередь, на приём к врачу.

Широко применялся здесь и режим расконвоирования – люди работали, ходили свободно, и только на ночь были обязаны вернуться в зону. Была также самоохрانا. Им выдавалась форма и оружие, и они охраняли других. Жили они отдельно, в доме для самоохраны. Кое-кто из числа расконвоированных, принимал участие и в общественной жизни посёлка. Они вели кружки художественной самодеятельности. Даже у нас в школе, танцы преподавал – лезгин. Днём он работал как и все. Вечером приходил в школу, а после занятий – шёл в зону. Среди них были, и певцы, и артисты, и хормейстеры, и театральные режиссёры. Кого только не было здесь! А бежали в основном только те, кому терять было нечего.

Пока отец был здоров, мы жили спокойно. Когда случались ночные нападения, то он их лично гонял по тайге, с двустволкой в руках. Чувствовалась закалка Гражданской войны и среднеазиатской борьбы с басмачами. Как он всего этого не боялся? Ума не приложу! Один, ночью, по тайге! А когда он заболел, очевидно срабатывал его авторитет. Я повторяю, что большинство из бежавших возвращались на свои места отсидки.

Так что слух наверное доходил туда, куда следовало. И те, кто уходил в очередной побег, очевидно знали, что в дом, что за территорией станции, лучше всего – не соваться. А мы всей семьёй, когда отец заболел, старались поддерживать этот имидж, как могли. Через год-два отца немного отпустило и он стал неплохо стрелять с левой руки. Тогда ему иногда, перед кроватью ставили табурет и на него клали ружьё. Но чаще всего, это перепоручалось мне. Потому что отцу сложно было с палочкой подойти к окну. Кто-то всё равно должен был зарядить и поднести

ему ружьё, а потом – открыть форточку! Мне было гораздо проще проделать всё это самому. В общем, выкручивались мы – как могли.

Никто из нас, естественно, не бегал по тайге с ружьём. Мы просто завели собаку. В посёлке арестовали Горелова и посадили его в тюрьму. За что? Не знаю. В то время, загреметь в тюрьму можно было за что угодно. Его собака стала беспризорной и мы взяли её к себе, в дом. Собака была охотничья, звали её Пальма. Когда она чуяла чужих, что подошли к дому, то обычно поднимала маму. А мама, по необходимости, поднимала меня. Из ружья, кроме отца, стрелял только я. Мама этого не умела делать и откровенно боялась, а о сестрёнке вообще говорить нечего.

Восьмилетним мальчишкой, я не мог выходить из дома и, как отец гонять их по огородам или тайге. Этот вопрос я решил по-мальчишески просто и очень радикально. Собака, чуя чужих, поворачивалась в их сторону, шерсть на её загривке поднималась дыбом и она издавала глухое рычание. А я, по-собачьему носу, определял нужное направление, открывал соответствующую форточку и не разбираясь, смалил из обоих стволов в темноту. Кто мог знать, кто там стреляет? Восьмилетний мальчишка или взрослый мужик?

Опасаться было нечего, порядочные люди по ночам, там не ходили и не могли оказаться на линии огня. А форточки в окнах были на все четыре стороны, (а в одной комнате, как раз с южной стороны, даже две). Вот я и смалил не целясь, просто по направлению. А направление, собачий нос указывал правильно. Так что пули летели в нужном направлении.

И среди эзков, очевидно, сложилось твёрдое мнение, что к нам лучше не соваться. Я думаю, что молва всё-таки доходила до адресатов. И наш дом стали обходить. И количество угнанных лодок у нашего дома постепенно уменьшалось. Изредка, конечно, появлялись. Во всяком случае, проблем с лодками у меня никогда не было. Иногда, правда, наведывались и хозяева (у кого угонялись эти лодки), но кое что оставалось и мне.

3.2. Коней в ночное

Интересные воспоминания связаны ещё с выгоном коней на пастбище, в ночное. Нас была группа ребят, одногодков, человек пять или шесть, что гоняли коней на пастбище. Лошади были рабочие, разномастные и разных пород. В их облике просматривались какие-то родовые признаки. Глядя на одних, можно было предположить, что этот конь похож на коня орловской или донской породы. Но основная масса табуна состояла из коней, чьей родиной была Якутия, были кони и монгольской породы.

Был даже один конь, похожий на кавказских скакунов, по кличке Рябчик. Он был не рябой, а пятнистый, с большими чёрно-белыми пятнами. Он единственный скакал, высоко задрал голову и красиво выбрасывая передние ноги. Как на картинах, где изображались кавказские наездники (в том числе и на пачке папирос – «Казбек»). На Рябчике ездил старший из нас, Лёнька Малышев. Его отец работал на конном дворе и Лёньке, собственно, и доверялся ночной выпас.

Мне на Рябчике удалось проехать несколько раз. Поздней осенью, когда огороды уже были убраны и никто не опасался потравы. В ночное из-за холодов, уже никто не ездил. Просто кто-то из нас, выгонял табун за посёлок на выездном коне и возвращался на нём назад, на конный двор. Коню насыпалась мера овса и он ставился в стойло. Поэтому, выездка была, как положено, – под седлом. Красота, кто понимает! Темнело осенью очень рано, ночи были тёмные, так что красоваться было не перед кем. А жаль!

А летними тёплыми ночами, мы с удовольствием гоняли в ночное, на дальние пастбища, подальше от картофельных полей и огородов. Там для верности, спутывали верёвочными путами передние ноги лошадей и пускали их на свободный выпас. Потом набирали дров побольше, чтоб на всю ночь хватило, а дальше: песни, сказки, истории – одна страшней другой и анекдоты – кто во что горазд. Весёлое было времечко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.